

Годы безжалостны, и Великий император Шэньюань, Чэнь Гухуэй, наконец вступил в закат своей жизни. На смертном одре он лежал, а дыхание его было слабым, словно паутинка. Однако его старческие пальцы неустанно, дрожа, указывали на длинное копье, стоявшее в углу комнаты. Главный евнух Си Юань в спешке подбежал, поднял копье и вложил его в руки уже угасающего, престарелого императора Шэньюань. В помутневших глазах императора мелькнул слабый, тусклый огонёк: ему казалось, будто владелец копья, весь в крови, стоит перед ним и с полным ненависти взглядом вопрошает, зачем он оклеветал его, обвинив в измене родине и предательстве врагов. Наконец рука Великого императора медленно опустилась в сторону копья, и он испустил последний вздох.

В государстве Чэнь Чэнь Гухуэй ещё в бытность Наследным принцем славился во всех странах, заслуженно считаясь эталоном благородного мужа. Он обладал изящными манерами, был мягок и учтив, казалось, будто он сошёл со страниц поэтической картины, приводя людей в восторг и трепет. Нрав его отличался мягкостью и великодушием, он питал к окружающим сочувствие и понимание, сохраняя невозмутимое спокойствие при любых обстоятельствах.

С самого детства Чэнь Гухуэй обладал редкими природными способностями и выдающимся умом. Ещё в детские годы он наизусть знал классические трактаты и говорил изысканными фразами. Сталкиваясь со множеством сложных задач, он нередко высказывал оригинальные и глубокие суждения, приводя наставников в изумление и вызывая у них нескончаемые похвалы.

В юности, будучи Наследным принцем, он в полной мере проявил свои исключительные качества. Императорский наставник искренне восхищался: Наследный принц добросердечен и великодушен, приветлив и дружелюбен с товарищами по учебе, скромен и жаждет знаний — поистине в нем кроется надежда на будущее страны. Он не только неустанно стремился к совершенствованию в науках, но и дорожил глубокими чувствами и верностью. Во время Праздника весны он собственными руками вырезал по нефритовой шпильке для каждого учителя и товарища. Эти шпильки отличались непревзойденным искусством исполнения и были пропитаны его глубокой привязанностью к наставникам и друзьям. Вспоминая об этом, соученики неизменно предавались глубоким чувствам, помня о чистейшей искренности Наследного принца.

На тридцать четвёртый год правления Сюаньгуана Наследный принц Чэнь Гухуэй благополучно вззошел на престол, вошедший в историю как Император Шэньюань. После восшествия на трон он проводил политику милосердия, широко привлекая к управлению талантливых людей, благодаря чему при дворе и во всей стране царили чистота, честность и справедливость. Во внешней политике он обладал великим талантом и стратегическим видением для отражения набегов варваров, порой лично возглавляя войска в походах. На поле боя он всегда шел в авангарде, храбро сражаясь с врагами. Во внутренней политике он придавал большое значение земледелию и шелководству, снижал трудовые повинности и налоги для простого народа, способствовал развитию торговли, благодаря чему экономика страны процветала. Кроме того, он активно занимался основанием школ и воспитанием талантов. Под его заботливым управлением народ жил в мире и достатке, на дорогах не подбирали оброненного чужого добра, а двери домов не запирали на ночь, положив начало эпохе великого благоденствия.

И всё же только сам Чэнь Гухуэй знал, что всю свою жизнь он трудился не покладая рук, прикладывая все мыслимые усилия ради властных интриг, однако до самого конца жизни так и

не смог достичь того, чего искренне желал его сердца. А то копье было единственной памятью, оставленной ему тем, о ком он тосковал всей душой. Самыми счастливыми мгновениями в его жизни были те дни, когда в пору бытности Наследным принцем он учился вместе со своим возлюбленным. Тогда, желая сделать подарок любимому человеку и преподнести ему нефритовую шпильку, он был вынужден изготовить такие же шпильки вообще для всех. С двенадцати лет он тайком был влюблен в этого человека, и так продолжалось до тех пор, пока тот в возрасте двадцати пяти лет не пал в бою. После ухода того человека он забывал о сне и пище, с трепетом охраняя это государство лишь потому, что прекрасно знал: тот всю жизнь горячо любил своего государя и свою родину.

Человек, живший в его сердце, был записан в исторических хрониках государства Чэнь как великий полководец, главнокомандующий кавалерией Сыма Цзюньюань. Сыма Цзюньюань от рождения обладал выдающимся обликом, прямой осанкой и на протяжении всей своей жизни проявил себя как герой.

В восемнадцать лет Сыма Цзюньюань впервые получил назначение на должность военачальника Пяоя и во главе восьми сотен всадников углубился в Великую степь. Не ведая страха, верхом на мощном вороном боевом коне, облаченный в тяжелые, отливающие холодным блеском надежные латы, он сжимал в руке острое копье. На солнце острие копья сверкало ледяным блеском, словно жаждая вражеской крови. Шедшие следом восемьсот всадников пылали высочайшим боевым духом, а в их глазах горел пламенный задор. По приказу Сыма Цзюньюаня топот копыт потряс землю и небо, раздавшись в степи раскатами грома. Подобно бурлящему черному потоку, они устремились вперед, в пределы врага.

При входе в глубь степи поднятые бурей песчинки, словно густой ливневый град, хлестали их по лицам и телам, однако взгляд Сыма Цзюньюаня неизменно оставался твердым и устремленным вперед. Заметив силуэты неприятельских войск, он резко сжал бока коня, и скакун с яростным ржанием помчался вперед. Он первым ворвался в неприятельский строй, и его копье, взметнувшись подобно дракону в девяти небесах, мгновенно пронзило грудь вражеского воина. Кровь брызнула в песчаную бурю, а его громовой рык разнесся под самыми небесами: Воины, за мной, разить врага! Вдохновленные всадники бросились следом, выкрикивая боевые клич. В тот же миг переплелись вспышки мечей и лезвий, а крики сражающихся, ржание коней и лязг оружия слились в единый гул.

Копье Сыма Цзюньюаня двигалось сплошной непроницаемой пеленой, и каждый его удар нел в себе сокрушающую мощь громовой стихии. Он метался из стороны в сторону, и всюду, где он появлялся, падали враги. Его боевой конь проворно маневрировал среди людей, а там, где ступали копыта скакуна, тела врагов валялись в беспорядке. Под его предводительством восемьсот всадников, словно свирепые львы, бесчинствовали и рубили врагов в самой гуще неприятельского строя. Противник оказался совершенно не готов к столь внезапной и яростной атаке, и его ряды пришли в полный хаос.

После ожесточенной схватки поле боя пропиталось запахом крови и поднятой пыли. Сыма Цзюньюань с головы до ног был покрыт кровью, но его взгляд становился лишь еще более твердым и острым. В конце концов вражеское войско, побросав доспехи и оружие, в панике обратилось в бегство. В этом сражении восемьсот всадников под предводительством Сыма Цзюньюаня одержали победу над превосходящими силами противника, дважды заслужив высшую воинскую славу во всей армии, стяжали громкую славу и были пожалованы титулом

Гуаньцзюнь-хоу.

На тридцатый год правления Сюаньгуана двадцатилетний Сыма Цзюньюань уже превратился в грозного главнокомандующего кавалерией. Приняв на себя тяжелейшую ответственность, он руководил двумя сражениями в Хэдуэ. Перед началом битв он денно и ночно разрабатывал планы, анализируя соотношение сил и составляя точнейший боевой расчет. Когда битва началась, он верхом на благородном скакуне первым ворвался в неприятельские ряды, словно сошедшее с небес божество войны. Его зчный призыв вдохновлял шедших следом воинов сражаться насмерть. Возглавляемая им армия продвигалась вперед с сокрушительной силой, захватила золотую статую для жертвоприношений небу у хуннов и устремилась прямо к горам Цихэ. В этой кампании было уничтожено и обращено к сдаче около ста тысяч хуннов из региона Хэси, что нанесло тяжелейший удар по правому крылу хуннских племен. Успешное возвращение коридора Хэдуэ заложило прочный фундамент для открытия дорог на Восточные земли.

На тридцать второй год правления Сюаньгуана двадцатидвухлетний Сыма Цзюньюань вновь явил свою удачу. Возглавив отборную конницу, он глубоко вторгся в Монань, вонзившись острым мечом прямо в сердце вражеских сил. Поле боя заволочло порохом, а боевые клич достигали небес. Сыма Цзюньюань хладнокровно отдавал приказы, его фигура мелькала среди пламени войны, а копьё, рассекая воздух, сверкало холодным светом, повергая врагов в прах. Во главе воинов, проявив бесстрашие и безупречную тактику, он уничтожил более семидесяти тысяч главных сил хуннских племен. После этого он, развивая победный успех, преследовал врага вплоть до гор Ланцзюйшань и Гуяньшань. Совершив обряд жертвоприношения небу и земле, он провозгласил величие государства Чэнь и триумфально вернулся из похода у студеного моря. Эта победа привела к тому, что хунны бежали далеко на север, а в Монане не осталось своего шаньюя, что колоссально ослабило мощь хуннов и изменило длительное состояние обороны государства Чэнь в войнах с ними. Сыма Цзюньюань владел военным искусством поистине божественно, действовал гибко и непредсказуемо, опираясь на стратегию и не связывая себя рамками древних канонов. Он мастерски проводил дальние рейды и стремительные нападения, искусно осуществлял глубокие обходы, охваты и масштабные операции на окружение и уничтожение, завоевывая для государства Чэнь новые земли и покрывая себя бессмертной славой. За всю жизнь он в общей сложности шесть раз предпринимал походы против хуннов, добившись выдающихся боевых успехов, внушив хуннам смертный ужас и навеки избавив государство Чэнь от их угрозы.

На тридцать третий год правления Сюаньгуана Император Сюаньгуан понял, что его здоровье с каждым днем ухудшается, а влияние клана Сыма при дворе тем временем растет день ото дня, и он опасался, что Наследный принц Чэнь Гухуэй не сможет их усмирить. Тогда он приказал главнокомандующему кавалерией Сыма Цзюньюаню вновь выступить против хуннов, непременно отыскав скрывающегося хуннского царевича. Генерал Сыма немедленно поднял войска в поход. Император Сюаньгуан намеренно затягивал поставки продовольствия, что привело к сокрушительному поражению в кампании. Не получив императорского приказа, генерал Сыма не отступил на поле боя ни на шаг и в конце концов пал смертью храбрых. Незадолго до собственной кончины на тридцать четвёртый год правления Сюаньгуана император поведал об этом Чэнь Гухуэю, заявив, что после смерти издаст указ о собственных грехах и признает, что погубил генерала Сыму из-за доверия к клеветникам, дабы помочь Чэнь Гухуэю вернуть расположение народа. Чэнь Гухуэй горько рыдал, в какой-то момент даже подумывая отказаться от восшествия на престол, но мысль о том, что лишь получив власть он сможет смыть ложные обвинения с генерала Сымы, удержала его. Позднее главный евнух Си

Юань передал Чэнь Гухуэю оставленное ему императором прошение генерала Сымы, в коем была запечатлена решимость генерала защищать родной дом и государство, отдавая все силы ради благополучия простого народа и императорских алтарей. Прочитав его, Чэнь Гухуэй испытал одновременно жгучий стыд и глубокую скорбь. Всю жизнь генерал Сыма защищал родину и народ, но пал жертвой императорских интриг, не оставив даже тела — лишь уцелевшие воины привезли назад длинное копье, которым он неизменно пользовался. Сгорая от стыда и ненависти к самому себе за то, что не разглядел замыслов собственного отца, Чэнь Гухуэй поклялся посвятить всю свою жизнь исполнению последней воли генерала Сымы.

<http://bllate.org/book/21887/2273094>